

КУЛЬТУРА

— 1994. — 12 июля. — с. 9.

МЕЖДУ
ПРОШЛЫМ
И БУДУЩИМ

Третье дыхание

В Малом зале Московской консерватории прозвучала, возможно, и не уникальная, но весьма редкая по нынешним временам вокальная программа — арии бельканто лирико-колоратурного сопрано. Старые итальянские мастера — Вивальди, Каччини, Скарлатти и последний из романтиков, писавших в стиле «прекрасного пения», Доницетти... Пела Елена Зименкова. Это было возвращение после нескольких лет молчания. (Для справки: Зименкову «ушли» из Большого театра в конце 80-х, с приходом к власти нового руководства, — она с ее итальянской манерой явно кому-то мешала в труппе).

Трудно начинать все заново, когда творческая кульминация уже позади, а впереди — осень. Трудно, но можно. Однако не всегда нужно, подумалось мне. Концерт убедил в обратном — такое как раз нужно.

Голос Зименковой, естественно, звучит не так свежо, как прежде, зато — более колоритно. Он уже не такой выносливый, зато стал крупнее, «потемнел» и приблизился по насыщенности к сопрано драматическому, хотя его подвижность и склонность к виртуозности остались в неприкосновенности. Но главное, этот голос доносит до нас на исходе XX века один из забытых пластов музыкальной культуры — технику пения бельканто. Певиц, которые способны адекватно воссоздавать оперный стиль, скажем, того же Дони-

цетти, в России сегодня три с половиной, но с целой концертной программой такой музыки никто из них еще не появлялся. Выходит, что белькантовый концерт Зименковой — единственный в своем роде за последние несколько лет. Не подумайте, что этот голос на многое претендует — ни мировая слава, ни сопоставления с великими певицами ему не нужны, он знает свое место. И это еще один приятный штрих к портрету артистки.

Почему же мы так выделяем вроде бы никому не заметное, локальное возвращение Зименковой в творческую жизнь? Действительно, почему, ведь Америки она не открыла тем, что у нее от природы итальянский голос? А просто хочется воздать должное этому голосу, который высоко ценился в Ленинграде в 70-е годы, когда она была Розиной, Люцией, Виолеттой и Царицей ночи Кировского театра, и который суматошная Москва, недооценив, выбросила на помойку. Хотя нашим колоратурным сопрано, лихо берущимся за белькантовый репертуар, до сих пор есть чему поучиться у Елены Зименковой — кантилене, дыханию, например. Даже на закате у нее приятный и сочный, «мясистый» тембр, что вообще несвойственно «коммунистическим» колоратурным голосам — пискляво-визгливым, с неприятным «стеклорезом» в верхнем регистре и «гнусавчиком» в нижнем. Сходите в Большой театр на «Травиату» или «Севильского цирюльника» — убедитесь сами.

Именно «итальянское пение» Зименковой привлекло внимание Евгения Колобова, когда он искал замену уехавшей в Вену Виктории Лукьянец. Так наша героиня спела в муниципальном театре «Новая опера» Марию Стюарт, одну из многочисленных королев Газтано Доницетти. Это было в прошлом сезоне. Что принесет будущее, покажет только время. Но во всяком случае у Елены Зименковой открылось «третье дыхание» — после Маринки и Большого — и пока она поет, маленький родничок бельканто в Москве не иссякнет.

Андрей ХРИПИН.